

СОДЕРЖАНИЕ

Как убили Сталина	7
Заговор против Берии	16
Обманчивая оттепель	26
XX съезд	33
Фестиваль 1957 года	39
Разброд в умах	47
«Хрущевщина»	54
Первые диссиденты	70
Волнения в народе	75
Переворот в рамках закона	82
Брежнев и его команда	94
«Пражская весна»	102
КГБ и диссиденты	106
КГБ и патриоты	120
Застой	130
Новые лица и «звездопад»	142
Прощание с эпохой	151
Кому быть «перестройщиком»?	164
«Самый близкий генсек»	175
Перестройка	187
«Процесс пошел...»	196
Оттепель во второй редакции	208
Идеологические конвульсии	221
Перестройка под крестами и куполами	237

Кому был нужен альтернативный лидер	249
Обвал внешней линии обороны	263
Когда предательство становится престижным	278
ГКЧП	292
Отречение	309
Заключение	320
Литература	325

КАК УБИЛИ СТАЛИНА

Дата 5 марта 1953 года разделила историю Советского Союза на две части. Смерть Сталина. До нее и после нее. Две части, примерно одинаковые по продолжительности, но очень непохожие. Первая — чрезвычайно тяжелая, кровавая, голодная, полная опасностей, на надрыве сил. Вторая даже одета иначе. Вместо сапог, шинелей, военизированных френчей — респектабельные костюмы, пальто, мягкие шляпы. Благополучная, мирная, спокойная... Но первая из полного хаоса, нищеты, распада, выводила государство наверх, к могуществу и процветанию.

Все факты показывают, что Иосиф Виссарионович на закате жизни задумывал очень серьезные реформы. На внешнеполитической арене он выражал готовность примирения с Западом. В марте 1952 г. СССР выступил с очередными инициативами объединить Германию, сделав ее демилитаризованной и нейтральной. А 24 декабря 1952 г. Сталин дал интервью газете «Нью-Йорк таймс», предложив личную встречу с президентом США Эйзенхауэром, чтобы «сделать первые шаги к созданию взаимного доверия, основанного на совместных усилиях».

Но Америка на эти жесты не откликнулась. Ведь нормализация, которую имел в виду Сталин, подразумевала признание равноправных отношений, «двухполярного мира». США такой вариант не устраивал. Да и Сталина на Западе прекрасно знали. Диалог предпочитали вести не с ним. С кем-нибудь другим, кто придет после него. Хотя Иосиф Виссарионович полагал, что страны НАТО могут одуматься. Советские ученые завершали создание водо-

родной бомбы, многократно более мощной, чем атомная. А у американцев такой еще не было. Глядишь, изменится расклад сил — и согласятся искать компромиссы.

Какие-то перемены готовились и во внутренней жизни. Осенью 1952 г. журнал «Новый мир» опубликовал серию очерков журналиста В. Овечкина «Районные будни». Их сразу стала перепечатывать «Правда», что было уникальным случаем, невозможным без санкции высшей власти. «Правду» Сталин просматривал регулярно. Если бы что-то не устраивало его, достаточно было одного слова секретарю. А в очерках на примерах одного района рассказывалось о бедственном положении колхозников, об отношениях между бездушными чиновниками и простыми тружениками. Очевидно, предстояли соответствующие решения по данному вопросу.

А главное — Сталин готовился наконец-то сделать решающий шаг от «революционной» системы ценностей, в которой жила страна. Перенести центр реальной власти из партийных в правительственные органы. Нет, он не отказывался от коммунистической идеи. Но, имея уже колоссальный опыт государственного строительства, он видел, что марксистская догматика становится помехой на этом пути, приходится как-то обходить ее. Видел и то, как партийный аппарат превращается в привилегированную элиту. Сталин наметил лишить его такого положения. Перевести партию с руководящей на вспомогательную роль, как замполита при командире. Ставит задачи и отдает распоряжения правительство. А партия содействует их исполнению.

Такой переход Иосиф Виссарионович уже внедрял исподволь, постепенно. При Ленине съезды, считавшиеся высшим органом партии (а фактически и государства) проводились каждый год. По Уставу, принятому в 1934 г., их требовалось проводить не реже, чем раз в три года. Но Сталин созвал следующий съезд лишь через 5 лет. А с мая 1941 г. Иосиф Виссарионович, оставаясь Генеральным сек-

ретарем ЦК, занял пост председателя Совета Министров. Выработка и принятие ключевых решений перешла на уровень правительства. Политбюро собиралось постоянно, но все его члены имели министерские посты или курировали по несколько министерств. Фактически оно превратилось в высший совет при главе правительства. Пленумы ЦК Сталин созывал все реже, после войны — лишь трижды. Если по какому-то важному делу требовалось постановление ЦК, голоса собирали опросом, по телефону. А съезды партии не собирались аж 13 с половиной лет!

Иосиф Виссарионович не видел в них необходимости. Хотя теперь получалось, что аппарат ЦК и правительство дублируют друг друга. Причем ЦК был выше, задавал стратегию — а правительство исполняло, отчитывалось перед ЦК. Сталин решил поменять их местами. Но аккуратно, тонко. Без открытых заявлений, что партия лишается руководящей роли. Это могло вызвать потрясения, брожение в умах. Руководящая роль должна была отпасть как бы сама собой. Для утверждения новой системы в октябре 1952 г. Иосиф Виссарионович созвал XIX съезд ВКП(б).

На таких мероприятиях уже установилась определенная иерархия докладов. Главный из них, отчетный, Сталин не стал делать сам. Поручил Маленкову. Заместителю председателя Совета министров. С одной стороны, уже как бы «принизил» партию по отношению к правительству. С другой — обозначил своего возможного преемника. Второй по значению, экономический доклад о пятилетнем плане на 1951–1955 гг., делал председатель Госплана Сабуров. Но и он был «принижен». Раньше съезды утверждали пятилетние планы. Сейчас съезд лишь проинформировали — этот план уже выполнялся второй год. Внешнеполитический доклад делал Берия — опять не случайно. Руководитель ядерной программы. Он заявил, что СССР стремится к мирному сосуществованию, а руководство США предупредил: политика атомного шантажа ничего не даст.

А вот Хрущеву Иосиф Виссарионович поручил озвучить проект изменений в Уставе партии. Опять — случайно ли? Самому рьяному «партийцу». Но предложения он высказывал не свои, а сталинские. Даже название партии менялось. Вместо Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, ВКП(б) — Коммунистическая партия Советского Союза, КПСС. Всесоюзная — как бы всеобъемлющая, надгосударственная. Партия Советского Союза — принадлежащая государству. Слово «большевики» из названия исчезло. Сталин наконец-то отбросил его. Упразднилось и Политбюро. Заменялось Президиумом ЦК. Из названия исчезла функция выработки политики. Осталось текущее руководство ЦК и партией. А состав ЦК увеличился вдвое, до 232 человек. Сталин на съезде выступил только с заключительным словом. Объяснил расширение ЦК необходимостью выдвигать молодые кадры, чтобы включались в руководящую работу, набирались опыта.

А через два дня, 16 октября, состоялся Пленум вновь избранного ЦК. Вот здесь Сталин произнес большую речь. Откровенную, нелицеприятную. Крепко досталось тем, кто раньше считался его ближайшими соратниками (и мог претендовать на роли преемников). В первую очередь Молотову. «Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он не колеблясь отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под “шартрезом” на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы... А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям?... У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш советский Крым» [92].

Микояна Сталин раскритиковал за его предложения дать послабления колхозникам, снизить с них нало-

ги. С точки зрения благосостояния людей Микоян был прав — деревня жила очень трудно, колхозники работали на пределе сил. Но Иосиф Виссарионович смотрел дальше — с точки зрения государственной, противостояния с Западом. Продукция сельского хозяйства составляла главную часть экспорта, обеспечивала валюту, а значит, и развитие промышленности. Сталин строил расчеты, что для СССР необходимо поддержать достигнутые темпы экономического роста, выйти на уровень американцев и их партнеров. А в результате придет благосостояние и в деревню. Пока же ей нужно еще поднапрячься, поддержать общий штурм. Впрочем, может быть и так, что разногласия по сельской политике стали лишь предлогом. Не исключено, что у Сталина появились другие причины не доверять Микояну, но пока недоказанные.

Про Ворошилова и Кагановича Иосиф Виссарионович выразился почтительно, что они «остаются видными политическими деятелями», но работа министров требует «больших сил, конкретных знаний и здоровья». Поэтому их перевели с министерских постов в заместители председателя Совета Министров. Но тут же добавил: «Так что я даже не знаю, сколько у меня заместителей». Откуда легко было догадаться: теперь они остаются лишь представительными фигурами.

Список Президиума ЦК, заменившего Политбюро, Сталин составил и прочитал сам. Он оказался очень большим, 36 человек. А поскольку этот орган получался громоздким, создавалось более узкое Бюро Президиума. В него вошли Сталин, Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Хрущев. Что касается Молотова и Микояна, то критику на них Иосиф Виссарионович обрушил не случайно. В широкий Президиум они попали, а в узкое Бюро уже не вошли. Расширился и Секретариат ЦК. Вместо 5 секретарей стало 10. Но Генерального секретаря больше не было! Формально 10 секретарей оказывались равноправными! А Сталин становил-

ся лишь одним из 10! Его власть отныне обеспечивались только одной должностью — председателя Совета министров! Стало быть, именно эта должность становилась главной в СССР!

К чему вело подобное положение, понять не трудно. Правительство получало приоритет над ЦК. А в перспективе роль партии должна была постепенно снижаться, сводиться к функциям обеспечения политики правительства и подбора кадров. Кстати, среди молодых и перспективных, кого Сталин выдвинул в новый Президиум ЦК, были его заместитель-экономист Алексей Косыгин и Леонид Брежнев.

Далеко не для всех реформа Сталина была понятной. Некоторые воспринимали ее с недоумением. Другие — сугубо в плане персональных перестановок. Но были и такие, кто очень хорошо осознавал истинную суть. Достаточно сказать, что в послесталинское время документы XIX съезда и последующего пленума никогда в СССР не обнародовались! Публикация материалов партийных съездов и конференций осуществлялась «с начала», со II съезда РСДРП. Велась и с «конца». Но на XIX съезде стопорилась. Он «выпадал». Ведь иначе о замыслах Сталина могли догадаться в народе...

То, что произошло на даче Сталина 28 февраля — 2 марта 1953 г., до сих пор покрыто мраком. Точнее, было искажено и затерто. Но искажалось и затиралось лихорадочно, хаотично. Поэтому в сохранившихся свидетельствах охраны, Хрущева и академика Мясникова получилась масса противоречий по фактам, фамилиям, по времени, даже по датам.

Согласно показаниям охраны, вечером 28 февраля, в субботу, Сталин пригласил к себе Маленкова, Берию, Хрущева и Булганина. На даче было трое охранников и женщина-прислуга. Иосиф Виссарионович заказал им приготовить ужин. Предстоял какой-то серьезный разговор, поэтому крепкие напитки он из меню исключил, велел подать только

слабое молодое вино «Маджари», Сталин называл его «соком» [57, с. 97]. Когда он провожал гостей ночью 1 марта, его последний раз видели здоровым. На следующий день он не вышел в обычное время из своих покоев, а охрана якобы не осмеливалась туда зайти. Лишь вечером привезли почту из ЦК, зашли и увидели его на полу. Перенесли на диван, стали звонить Игнатьеву, но он почему-то переадресовал к Маленкову и Берии, и они приехали в 3 часа ночи уже 2 марта, а Хрущев в 9 утра привез врачей [62, с. 60–61].

Все это полная чушь. Известен случай, когда Сталин, напарившись в бане, разомлел и задремал. Прошло 40 минут сверх ожидаемого срока, а он не вышел, охрана тут же связалась с начальством и получила приказ ломать дверь. Хрущев писал мемуары на пенсии и не знал, что напишут охранники в 1977 г., уже после его смерти — а воспоминания Хрущева в СССР не издавались. Он проговорился, что 1 марта узнал якобы от Маленкова: на даче что-то случилось. Приезжал туда в этот день дважды — опять якобы с Маленковым. В первый раз сочли, что ничего страшного, «Хозяин перебрал», и уехали. Лишь во второй раз начали бить тревогу, вызвали врачей, пригласили Булганина, Берию, Кагановича, Ворошилова [57, с. 103–104, 106–107].

Это тоже ложь — Сталина видели пьяным всего два раза в жизни, а накануне была не пирушка, а деловой разговор с легким вином. И Хрущев почему-то вообще не упоминает Игнатьева! Тщательно обходит его стороной. Единственный честный свидетель — академик Мясников (умер в 1965 г., рукопись его воспоминаний была изъята в архив ЦК и чудом уцелела). Его с другими врачами вызвали 2 марта, и министр здравоохранения, уже находившийся на даче, проинформировал их: в ночь на 2 марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Вроде бы в 3 часа ночи охранник через замочную скважину видел его за рабочим столом, а в седьмом часу утра заметил лежавшим на полу! [57, с. 112–113] Для врачей время приступа сдвинули на целые сутки!

Если же сопоставить эти источники, добавить действующие в то время инструкции и правила, то можно представить, хотя бы приблизительно, истинную картину. Конечно же, беду должны были обнаружить не вечером, а утром или еще ночью 1 марта. Охранники должны были немедленно доложить непосредственному начальнику Игнатьеву. А его начальником по линии ЦК был Хрущев. Очевидно, тогда-то он и приехал в первый раз. С Игнатьевым, а не с Маленковым. Должен был захватить с собой и лечащего врача. Между прочим, фамилия лечащего врача Сталина неизвестна! Нигде не упоминается! Но, с большой долей вероятности, Хрущев проговорился в черновике своего доклада на XX съезде — Смирнов (Источник, № 6, 2000, с. 99). Из окончательной редакции фамилия была изъята, заменена на академика Виноградова, который в данное время находился в тюрьме (Известия ЦК КПСС, № 3, 1989, с. 154–155).

Судя по всему, охране действительно внушили: ничего страшного, Хозяин «перебрал», просит его не беспокоить. А ко второму приезду охранникам стало ясно: их подставили. Впрочем, Игнатьеву и Хрущеву еще проще было изобразить: надо же, мы ошиблись! Но ведь и вам головы не сносить, не оказали помощь главе государства! Дальше уже нетрудно было навязать им легенду, что и как говорить, чтобы обезопасить себя. Навязывали их прямые начальники, способные их в пыль стереть. Оставалось послушаться: и их выгородить, и свою шкуру спасти. Факты показывают, что Берия появился на даче только 2 марта, около 9 утра, вместе с врачами. Маленков прибыл где-то раньше. Тогда же, утром — Булганин, Ворошилов, Каганович. По-видимому, и им, как и врачам, преподносилась версия: инсульт случился этой ночью, а не прошлой.

Врачи на даче прилагали все возможные усилия. В какой-то момент, 4 марта, возникла надежда, что они увенчаются успехом, Сталин стал дышать ровнее, открыл один глаз, даже как будто глянул осмысленно, подмигнул

[57, с. 127]. Но проблеск был кратковременным. Вечером 5 марта Иосиф Виссарионович отошел в мир иной.

Он был убит. Как минимум — неоказанием своевременной помощи. Но все обстоятельства говорят, что убийство было преднамеренным, тщательно организованным. Российский историк И. Фурсенко отмечает: документы о лечении Сталина, медицинский журнал и 9 папок истории болезни исчезли. В сохранившейся 10-й — только разрозненные и неясные заметки о назначении тех или иных препаратов в последние дни. Протоколы вскрытия и подлинное заключение о смерти исчезли. А то заключение, которое фигурирует в истории, не датировано, но на черновике стоит дата — «июль 1953 г.». Через 4 месяца после смерти! (Зато сразу после устранения Берии.) Личный архив Сталина был уничтожен. Комиссия, созданная по этому архиву, не собиралась ни разу. А председателем комиссии был Хрущев (Звезда, № 12, 1999, с. 184–185).

Но и из охранников, очевидно, не все проявили послушание или позволили себе сказать лишнее. Или заметили нечто такое, чего им лучше было не знать. Один из троих, дежуривших внутри дачи, «старший прикрепленный» (непосредственный телохранитель Сталина) Хрусталеv вскоре после кончины вoждя «скоропостижно умер» [57, с. 159]. Еще двое из тех, кто охранял дачу на внешних постах, вdрут «покончили с собой» [57, с. 158]. А спустя годы в беседе с лидером албанских коммунистов Энвером Ходжой Микоян допустил полупризнание. В 1979 г. Энвер Ходжа писал: «Сам Микоян признался мне и Мехмету Шаху, что они с Хрущевым планировали совершить покушение на Сталина, но позже, как уверял Микоян, отказались от этого плана». Упомянул он об этом вскользь, речь шла о Мао Цзэдуне: «Единственная разница между Мао Цзэдуном и Сталиным в том и состоит, что Мао не отсекает голову своим противникам, а Сталин отсекал. Вот почему, — сказал этот ревизионист, — мы Сталину не могли возра-

жать. Однажды вместе с Хрущевым мы подумали устроить покушение на него, но бросили эту затею, опасаясь того, что народ и партия не поймут нас» [176, с. 81–82].

Да, открытое покушение — еще как «не поняли бы». А если замаскировать под «естественную» смерть? Впрочем, Микоян предусмотрел еще одну легенду прикрытия. Как раз в беседах с Энвером Ходжой он свалил убийство Сталина на Берию.

...Тело Сталина было выставлено для прощания в Доме Союзов. Он пользовался такой любовью, что стекались москвичи, ехало множество людей из других городов. Столичная милиция оказалась не готова к наплыву таких масс, возникла давка, было большое количество погибших и пострадавших (количество до сих пор неизвестно). Когда удалось навести порядок, в очереди стояли сутками. Кстати, будущий артист и автор песен Володя Высоцкий свое первое стихотворение сочинил как раз в этой очереди. Оно посвящалось Сталину, было пронизано неподдельным детским горем от утраты.

Но уже начали сквозить и иные веяния. Писатель Константин Симонов, член ЦК, тоже охваченный общей болью, излил свое чувство в статье — об изучении наследия Сталина, движению по начертанному им пути. Но ее вдруг завернули. Оказалось, что в органы печати из Управления агитации и пропаганды ЦК спущено негласное указание — подобных произведений не публиковать [153]. 9 марта состоялись похороны, забальзамированное тело Сталина уложили рядом с Лениным, в Мавзолее.

ЗАГОВОР ПРОТИВ БЕРИИ

...Нет, лето 1953-го не было «холодным», как гласило название «перестроечного» фильма. Оно было очень жарким. Начались волнения в Восточной Германии. В мае пле-

нум Социалистической единой партии Германии принял решение увеличить для рабочих на 10% нормы выработки и снизить на 25% расценки оплаты. Забурлило недовольство. Толчком к взрыву стало исчезновение в магазинах... повидла. Еще с нацистских времен, когда пропаганда Геббельса внушала режим строгой экономии, традиционным завтраком немцев стал бутерброд с повидлом. И его вдруг в магазинах не оказалось. Поэтому беспорядки в Берлине называли «мармеладным бунтом».

Впрочем, этот дефицит стал лишь поводом. Инициировали «мармеладный бунт» извне. После смерти Сталина западные державы решили попробовать на прочность социалистический лагерь. Листовки, призывавшие к протестам, были заготовлены заранее, их доставляли из Западного Берлина. Разбрасывали и американские самолеты, летавшие в Западный Берлин. Оттуда появились эмиссары, агитаторы. 17 июня Восточный Берлин охватила общая забастовка, выплеснулись демонстрации. Причем в рядах протестующих имелось огнестрельное оружие, несколько немецких полицейских было убито. Появились и лозунги: «Иваны, убирайтесь домой!» Мятеж мгновенно распространился по другим германским городам.

Когда ситуацию обсуждали на Президиуме ЦК, всплыли разногласия Берии с «интернационалистами». Он заявил, что для нас важнее не социалистическая Германия, а дружественная. На него обрушился Молотов. Хотя в данном случае разногласия были чисто теоретическими. Для нормализации положения в Берлин отправили Берию. Он действовал решительно — прекрасно понимал: если бунт уже начался, то мягкость обернется не только непредсказуемыми последствиями, но и лишними потоками крови. В Берлин двинулись 6 советских дивизий, 600 танков. Пехота открывала огонь, только когда встречала организованное сопротивление. Танки вообще не стреляли, не давили, просто теснили мятежников, и те разбегались. Лишь

в одном месте молодежь кидала в танк камнями (специально для снимка, облетевшего все западные СМИ).

Учитывая масштабы беспорядков, их уладили с довольно небольшими жертвами, погибло 34 мятежника, а всего — 55 человек вместе с убитыми полицейскими. Несколько предводителей казнили по приговору германского суда. Последнее свое задание Берия выполнил успешно. Но германские события оказались очень кстати для Хрущева. Они-то и позволили подготовить операцию по устранению Лаврентия Павловича.... Никакого «заговора Берии» не существовало. Неужели такой специалист, как он, если бы действительно готовил переворот, проявил бы вопиющую беспечность и позволил настолько легко себя уничтожить?

По либеральной версии (давно опровергнутой) разоблачил «заговор» Никита Сергеевич. Берия пригласили в Кремль на Президиум ЦК. А в приемной сталинского кабинета, где проходили заседания, Хрущев собрал 10 вооруженных генералов во главе с Жуковым. Лаврентию Павловичу предъявили обвинения и арестовали. Доставили в штаб Московского округа ПВО, где и содержали на гауптвахте в течение следствия. В июле дело о «заговоре» обсуждалось на пленуме ЦК. А в декабре там же, в штабе ПВО, состоялся суд. Берия и его «сообщники» были приговорены к смерти и там же, в подвале штаба ПВО, расстреляны. Исполнителем приговора Лаврентию Павловичу стал генерал-майор Батицкий, присутствовал командующий округом ПВО Москаленко.

Но «воспоминания» об этих событиях у Хрущева, Жукова, Москаленко, Молотова, Микояна абсолютно не стыкуются между собой. Даже один Хрущев оставил несколько версий. Берия хватает и обезвреживает то Жуков, то Москаленко, то сам Никита Сергеевич. Из Кремля Лаврентия Павловича то вывозят тайно, спрятав в машине от верной ему охраны. То охрану заранее меняют своими офицерами. Авторы «свидетельств» постоянно путаются в деталях.

И это неудивительно. Арест был для Хрущева слишком большим риском. Поэтому никакого ареста, следствия и суда не было. Берия убили в тот же день, 26 июня. Об этом писал не только его сын, Серго Берия [128]. Со временем проболтался и Хрущев. И опять во многих версиях.

А. Авторханов приводит их целую коллекцию. Как рассказывал Хрущев, когда на заседании Президиума Лаврентия Павловича арестовали, «мы встали перед сложной, одинаково неприятной дилеммой: держать Берия в заключении и вести нормальное следствие или расстрелять его тут же, а потом оформить приговор в судебном порядке». Первое якобы было опасно — верные «чекисты» могли освободить его. Взвесили все и расстреляли сразу, в соседней комнате. В разных рассказах это сделали Москаленко, Микоян, сам Хрущев. Еще одна вариация — прямо на заседании, когда объявили об аресте, Берия попытался достать пистолет. На него набросился Молотов (в другой версии — Микоян), схватил за горло, подоспели генералы, и Берия в свалке был задушен. Ну а потом расследование подтвердило, что оказались правы [1, с. 106–107].

Это тоже ложь. Потому что самого заседания Президиума ЦК 26 июня не было. Ни в каких журналах и протоколах оно не зафиксировано. Точнее, это заседание готовилось, заслушать Берия планировалось. Но в Кремль он не приехал. Об этом однозначно свидетельствует документ, чудом сохранившийся при чистках архивов. Заседания декларировались как совместные, Совета министров и Президиума ЦК, вел их Маленков. Он заранее готовил вопросы, набрасывал тезисы и проекты резолюций. Проект «К решению вопроса о Берии. Протокол № 10 от 26 июня 1953 г.» был отложен в личный архив Маленкова. Вместе с другими проектами, которые по тем или иным причинам не рассматривались!

В этом документе отмечается: «...Органы МВД занимают такое место в системе госуд.[арственного] аппара-